

Поэтическая природа транскомуникативной потенциаллизации базовых человеческих отношений в образовании

// Транскомуникация: преобразование жизненных миров человека / под. ред В.И. Кабрина. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2011. С. 334 –378.

Источник проблемы релевантного проживания и представления психологического опыта наиболее рельефно обнаруживается в метаисторическом контексте. Неразрешенность проблемы двуединства психологического знания с одной стороны уходит вглубь веков и поэтому, возможно, имеет доисторические корни, а с другой стороны анализ современных ее разработок, включая причудливые вариации постмодерна, трансперсональной и холистической психологии, позволяет предположить, что она сохранится и на рубеже «конца истории» [13; 63]. И это несмотря на то, что суть проблемы исходно выглядит довольно простой. Чисто интроспективный (субъективный) анализ душевной жизни до сих пор представляется неубедительным в рамках современных научных парадигм, хотя и претендует на максимальную релевантность, «близость к объекту». В то же время, вся история изощренных попыток объективации душевного мира человека остается неудовлетворительной (слабо релевантной) с точки зрения даже самих психологов, не говоря уже о заинтересованных исследователях смежных областей (от биологии до теологии).

Даже убедительно показанная в свое время С.Л. Рубинштейном принципиальная субъектность, латентность, сокровенность и недоступность душевной жизни внешнему наблюдению и анализу не привела к прекращению настойчивого поиска экспликаций психологических интенций, диспозиций и качеств, особенно на уровне вербальных проявлений [60; 72]. Это так естественно, если учесть, что человек сам этого очень хочет, не зависимо от намерений исследователя.

К сожалению, мне не встретилось ни одного фундаментального исследования очень давно сформулированной максимы Ф.И. Тютчева: «мысль, изреченная есть ложь». Тем более, трудно представить, чтобы сами психологи попробовали найти способы реанимирования тысяч «вербальных трупиков» в сотнях опросников с которыми по-прежнему производят многозначительные операции сложения, умножения и деления, получая так называемые количественные показатели.

Экспериментируя с динамикой, ритмикой, эротикой...текста художники издревле работают со значительно более живыми отображениями душевной жизни, что в свое время с грустью отметил Г. Олпорт [51; 52]. Конечно, проективные методики и трансперсональные практики кажется существенно приближают нас к «выражению» собственно душевных движений. Однако, они тут же попадают в известные наукообразные парадигмы, ни одна из которых не решает вышеозначенную *базовую онтологическую проблему* и ограничивается «условным решением» в меру своей специфики – от физиологической до трансперсональной. Наиболее честную интерпретацию субъективного опыта мы обнаруживаем именно в последней (по сути самой масштабной), где главной чертой истинно духовного опыта является *невыразимость* (в духе многих восточных традиций).

К метаистории поэтического источника транскомуникации

В таком контексте возможно представить исторический и стратегический смысл *транскомуникативной парадигмы* в понимании и проявлении удивительной онтологии душевной жизни человека.

Прежде всего, важно отметить осмысление доисторических следов человеческой жизни. И наскальные пещерные изображения «потусторонних ладоней», и ритуальные символы, амулеты, коллективные обряды общения с «высшими силами» (жертвоприношения, захоронения, мистерии) говорят об *изначальном трансцендентальном векторе коммуникации* древних (вопреки дарвинистской парадигме).

Еще более важное следствие этого – *пракоммуникация* – уже была *метакоммуникацией*, т.е. наполненной, заряженной сверхидеей, таинственной для ее искателей и последователей. Мы не будем глубоко погружаться в этот завораживающий мир первичного целомудренного единства человека и космоса, хотя, может быть, именно там находятся ответы на ключевые вопросы антропологии. Возвратимся к «осевому времени» начала истории (К. Ясперс), чтобы увидеть, что здесь еще не произошла *фрагментация* коммуникативного и трансцендентального (эйдетического) в человеке [83].

Если выразить это намеренно фигурально, то: здесь Сократ и Платон образуют вершину культурно-исторического «конуса» (имею ввиду Диалоги), лучи которого постепенно в истории расходились все дальше друг от друга, так, что все более уплощенные (технократические) представления о коммуникации стали упираться в утилитарную проблематику, а живые транскомуникабельные эйдосы-идеи Платона превратились в абстрактные «ноумены» И. Канта, «ноэмы» и «ноэзы» Э. Гуссерля, т.е. в понятия, категории [54]. При этом приписывать ответственность Платону за выхолощенные категориальные абстракции немецкой философии выглядит по меньшей мере наивно (Хабермас) [68]. А представлять Сократа чудачком, спутавшим идею и жизнь и принявшим глупую смерть, было бы уже цинизмом.

В этот ключевой период истории западного мировоззрения, не противопоставлявшего себя восточному, в «Диалогах» Платона обрела жизнь и развитие *идея ноэзиса* [54].

Строго говоря, образ идеи (или идея образа) Нуса (ноуса) возникла у Анаксагора, одного из первых по настоящему опальных западных философов. Подразумевая под ноусом источник активного интуитивного ума, организующего материальные процессы и пронизывающего их, он отметил его принципиальное качество *несмешиваемости* с этой материальной стороной жизни.

Это единство проникающей активности и несмешиваемости ноэтического в физическом оказалось крепким орешком для всей классической философии и уже постнеклассической физики (Д. Бом) [8]. Многим здесь виделся с одной стороны дуализм, разграниченность материи и духа, которого на самом деле нет (К. Уилбер), с другой, как следствие – невозможность холистического единства, которое на самом деле есть (Р. Шелдрейк) [63; 70].

Проблема заостряется еще тем, что феноменология душевной, психологической динамики эйдосов показывает ее удивительную свободу относительно фундаментальных свойств физического мира – *транстемпоральность, гиперпространственность, сокровенность* (информации) и *«преэнергетичность»* (отмеченная в идеомоторных актах и аутотренинге) [27; 28]. И здесь самое время вспомнить о *свободе выбора* Сократа в его диалогах в отношении к жизни в целом, свободе жертвования древних в отношении «высших сил» в мистической, трансцендентной коммуникации.

Свобода смыслообразования в ноэтическом процессе и свобода вхождения в транскомуникацию (вплоть до вхождения в мир иной) оказываются очень соразмерны и синхронистичны (К. Юнг) [75]. Можно предположить, что это две стороны, два плана единой душевной жизни в ноэзисе.

Эту «совестную», ответственную или отзывчивую свободу целостной душевной жизни в ноэзисе осознавали и отмечали очень разные мыслители многих эпох. Я назову лишь последних, и, тех, к кому не могу не апеллировать в этой работе в психолого-антропологическом аспекте. В ноэтическом смысле они синхроничны и соразмерны,

поэтому напишу их в алфавитном порядке: Р. Ассаждиоли, М.М.Бахтин, Л.С. Выгодский, Г. Бейтсон, В.И. Вернадский, А. Ван Каам, З. Луиджи, А. Маслоу, В.В.Налимов, П. Тиллих, Т.Д. Шарден, В. Франкл, Р. Шелдрейк, Дж. Уайт, К. Уилбер, К. Юнг, Ст. Гроф, К. Ясперс [3; 6; 7; 9; 12; 14; 15; 16; 42; 46; 50; 61; 62; 63; 67; 70; 71; 74; 75; 76; 83].

Если я кого-то забыл или еще не знаю – это не так важно, поскольку каждый из них является входом в голографическую ноэтическую вселенную.

Транскоммуникативный универсум исследования ноодинамики душевной жизни человека

Выше были очерчены самые общие контуры метаисторической вертикали развития в понимании масштаба и глубины коммуникативной природы проявления ноэтического процесса на уровне душевной жизни человека. При этом пришлось избежать множества напрашивающихся детализаций, поскольку основная задача данной работы – раскрытие основных аспектов транскоммуникативной парадигмы как постметодологической перспективы антропологической психологии.

Замечу, что также вынужденно выпускаю из рассмотрения *горизонтальный план* уже многочисленных работ, в которых *человеческая коммуникация выступает как предмет исследования* в различных междисциплинарных ракурсах. В ситуации «парадигмального сдвига» возникает необходимость очертить многомерный и многоуровневый «коммуникативный экран», точнее «транскоммуникативный универсум», в котором бы непосредственно проживалось и выражалось все *многообразие ноодинамики душевной жизни*, определяющее её качество, полноценность и эффективность.

И здесь настало время заострить специфику проблемы. Ноодинамика, эйдетика воображаемого – это *неочевидная* сторона коммуникации, синхронистичная ее особым степеням свободы, т.е. *неочевидным*, отличающимся от степеней свободы физического мира [3; 55]. *Свобода смыслообразования* от непосредственных и любых опосредованных дистантных детерминант физической ситуации и возможность смыслообразования по соответствию с высшими ценностями (В. Франкл) или в *глубине совести* (К. Ясперс) – это иной ракурс той же *принципиальной свободы транс коммуникативной ноодинамики человека*. В этом суть специфики транскоммуникативной парадигмы в психологии (и смежных науках) в отличие от деятельностного, системного, синергетического и холодинамического подходов, не замечающих принципиального значения коммуникативно-ноэтической свободы человека. Позволю себе несколько афористических комментариев к этому.

- *Душевность не закована в отражательность*. Если микроскопом можно забивать гвозди, то это не значит, что он не обладает существенно более важными возможностями. Если в эйдосах-образах отражаются предметы физического мира, это не значит, что они не обладают более важными свойствами – выходить за рамки очевидности.
- Высокоорганизованные (нетривиальные) свойства систем (саморазвитие, целеустремленность, самопотенциализация) не возможно объяснить даже во множестве петель обратных связей (Ф. Капра) без ноо-коммуникативного выхода в новые степени свободы, предлагающего транссубъективные отношения более высокого порядка [37].
- Приписывание самой материи (физическому) сверхъестественных холодинамических возможностей на основе постулирования «скрытого порядка» или «сома-значимости» (Д. Бом) выглядит новой антропоморфизацией материи (неоанимизм, неоматериализм) [8].
- Слепая случайность бифуркации просто не соотносима с принципиально новыми степенями свободы ноокоммуникабельности, переживаемыми и понимаемыми

человеком в виде транстемпоральности, гиперпространственности, сокровенно-значимости и преэнергетичности.

- Если в деятельностном подходе коммуникация (общение) рассматривается как вид деятельности, то в транскомуникативной парадигме сама деятельность является лишь одним из видов общения с миром или человеком, причем *недеяние* (поступок) может стать высшей формой транскомуникации. («Истинный джентельмен тот, кто умеет играть на саксофоне, но никогда этого не делает» Б. Шоу).

Теперь рассмотрим более систематично основные уровни и планы транскомуникативного универсума, в котором реализуется, выражается неочевидная ноодинамика душевной жизни человека с ее неординарными степенями свободы (воображаемого). Сформулируем базовое допущение.

Свобода встречи. В физическом мире мы находимся в пучине взаимодействий с их соответствующими детерминациями – это фатально. Коммуникация в отличие от взаимодействия всегда может быть свободна от этих физических детерминаций. Поэтому наши встречи *возможны, но не гарантированы*. Ноэтический смысл встречи сам порождает так называемые *случаи*, которые могут стать главными *событиями* нашей жизни. *Смыслообразование* в транскомуникации соответствует ноодинамике, которая неочевидна, но доступна вашему воображению как её внутреннему фактору. Однако, необузданность и бесосновательность ваших фантазий о партнере может встретиться с аналогичными фантазиями партнера о себе и о вас. Только в таком коммуникативном процессе встречи возможна взаимная со-организация и синергия эйдосов.

Таким образом, транскомуникативный процесс встречи организует смыслонаполнение эйдетики отношений, которое и определяет неочевидное, но переживаемое их качество полноценности как новое измерение – коммуникативно-ноэтический универсум [27; 39].

Развитию теории коммуникации и теории ноэзиса не везло во многих отношениях. Возникновение письменности постепенно породило *фетиши языка* как самостоятельной сущности, при всей очевидности, что он *может жить лишь в коммуникации*. (Сейчас видятся и вытекающие из этого посылы «извраты» сознания). Общая лингвистика, «Генеральная семантика», психо- и социолингвистика в лучшем случае ссылались на «субъекта», интерпретатора языка, но не коммуникации. При чтении «монблана» литературы такого плана у меня возникало двойственное ощущение относительно такого абстрагирования: важно или выгодно? Все классические *абстракции* относительно *семантической* сущности языка обобщались по-разному. В одном из классических определений Ч. Морриса «семиозис» включает: знак (что указывает), десигнат (на что указывается), интерпретанта (значение) и может быть – говорит Ч. Моррис – и интерпретатор [49].

В скрупулезном анализе уже коммуникативных функций и действий в известных моделях Р. Якобсона, Р. Барта, Ю. Хабермаса, Г. Бейтсона, и даже в «оцифрованном» их варианте П. Вацлавика *не артикулируется «базовый квадрат» самой коммуникативной ситуации в целом*, где не столько компоненты, сколько их активные взаимоотношения имеют значение для сути происходящего. Добавляя к семантическому «треугольнику» четвертый компонент (адресат, согласно модели Р. Якобсона), мы увидим интерактивную синхронизацию уже удвоенных компонентов по всем направлениям [5; 7; 10; 80].

Ноэтическое духовное соприкасается с душевным именно в *пиковых переживаниях*, связанных с процессом *расширения сознания* в область неочевидного «великого». Именно это имел в виду А. Маслоу, говоря, что обычно люди *пугаются собственного величия* [46].

Транскомуникация как динамическая синхронизация разнопорядкового (духовно-душевно-телесного) позволяет реально работать с этим неочевидным опытом. Транс, расширяющий границы переживания, опыта, осознания в транскомуникации

обнаруживает позитивно преобразующий эффект базовых структур собственно *личностного* опыта.

Психиатрам пришлось в свое время дать сугубо патологическую интерпретацию феноменам транса, экстаза, импринтинга, паранойи. Однако, в контексте данной работы должно стать понятно, что мы восстанавливаем их позитивные и потенциальные аспекты.

Таким образом, видим, что иное измерение элементарной коммуникативной ситуации открывает иной транскоммунитивный мир пиковых ноэтических переживаний, доступных интуитивному уму, т.е. собственно ноэтическому процессу. Он легко доступен открытому для него навстречу человеку, на основе чего исчезают все сложные переплетения базовой уникальной ситуации. Например, на основе удивительно нового *чувства МЫ*. Однако, смысл свободы коммуникативной интенции (инициативы) продолжается здесь в том, что это ноэтическое транскоммунитивное движение-открытие *не гарантировано*. Человек может остаться глух к динамике этих процессов и будет отрицать их существование. Заметьте, это логично и естественно, если мы остаемся в нормативной коммуникативной ситуации, *не выходя* в иное измерение неочевидного.

Мы рассмотрели по сути транс - ноэтические аспекты возникновения, развития и умирания любого коммуникативного отношения человека, в котором разворачивается, реализуется его духовно-душевно-телесная жизнь. Без транскоммунитивного процесса и *потенциала* такое отношение обречено на формализацию, выхолащивание, омертвление.

Хотя, сама жизнь показывает нам неизбежные причуды транзитивности, трансформативности, преобразуемости основных человеческих отношений. Этот процесс обозначим как *потенциализация* (депотенциализация), если он связан с переходом от обычных коммуникаций к транскоммунитивным [31; 32; 34].

Транскоммунитивная потенциализация жизненных событий в контексте ноодинамики

Целостность, непрерывность и многоплановость развития человека в системе его базовых отношений определяется наличием в нем глубинного врожденного источника активности. Он осмысливался многими психологами по-разному в различные исторические эпохи: инстинкт, вдохновение, дар, задатки, способности, талант, призвание, предназначение, одержимость идей, интенциональность, самореализация, самотрансценденция и т.п. Во всех указанных акцентах речь идет о *жизненном потенциале человека*. Чувство потенциала делает человека несамотождественным и через это постоянно самопроектирующимся. Минимально это чувство потенциала проявляется в человеке как *переживание* в буквальном смысле, т.е. что-то большее, чем жизнь. Можно сказать, жизнь человека изначально окутана переживаниями, проявляющими ее потенциал. Человек не просто чувствует, но именно переживает свой потенциал как возможность.

Переживание потенциала интимно связано с рождением самосознания. Чувство самости ребенка непосредственно переживается как «я сам, я могу». С этим современные психологи связывают глубинную *потребность в компетентности* [18]. Она является основой *внутренней мотивации* (по сравнению с внешней) и ее *автономии* (самодетерминированности), поскольку чувство «я сам, я могу» уже само по себе доставляет удовольствие и удовлетворение. Важно подчеркнуть, что чувство потенциала рождается в переживании перехода, трансформации от «не могу» к «могу». Переживание этой трансформации есть основа чувства *достижения*. А опыт переживания таких трансформаций постоянно аккумулируется в переживании и осознании *потенциала достижений*, являющегося ядром *творческого потенциала*.

Переходы, «вылеты» из обычных коммуникативных процессов в транскоммунитивные связаны с открытием или освоением нового потенциала жизни.

Однако такие *события* мы могли наблюдать «экспериментально» лишь в кульминационные моменты недирективных групп интерперсонального (групп Встреч) и экзистенциального опыта. Это же можно наблюдать в отношениях, когда взрываются нормативные ожидания (измена, грабеж, соблазн, смерть и т.п.) и человек оказывается на пороге неопределенности.

Сложность традиционного анализа таких событий в том, что сам наблюдатель-интерпретатор должен оказаться *внутри* этого процесса. Иначе и видение и интерпретация будут неизменно искаженными. Здесь обнаруживается необходимость *постметодологической парадигмы гуманитарного исследования*¹.

Если войти в классический цикл коммуникативного *такта* (Б.Ф.Ломов) [41], то обнаружим взаимную а) аттракцию, б) эмпатию, с) синтонность, d) аффилиацию. Нужно найти тот уровень «выход из себя», тот *уровень децентрации*, когда процесс становится *транскоммунитивным*. И тогда эти же фазы цикла будут выглядеть иначе:

- а) *стресс-мобилизация* открытости
- б) *реориентация* и расширение взаимного принятия
- с) *метаморфоза* – трансформация синтонности – синхронистичности отношения
- d) *осуществление потенциала* новой формы жизни.

Ранее этот потенциал мы называли *потенциалом стресс-транс-формации*, исследования которого подтвердили его существенные связи с характеристиками личностного роста, в том числе и в рамках тренинговых программ [40; 57].

В данной модели транскоммунитивной потенциализации мы имеем следующее приближение к пониманию коммуникативной реализации ноодинамики, актуализации собственного ноэтического потенциала неочевидной повседневности. Даже наблюдая за игрой, например теннисистов (волейболистов и пр.) высокого класса не трудно понять, что борьба и «победа» совершаются не в момент судейского решения, а в момент контакта ожиданий, намерений и предвосхищений как ноодинамических процессов в транскоммунитивных игроках. Речь идет о моментальных потенциализациях удачи, победы, любви.

Но потенциализация отношения может оказаться главной целью или ценностью всей жизни. Не случайно в большинстве волшебных сказок, хранителей архетипов, можно увидеть бесконечные вариации описанного выше сюжета – цикла потенциализации (стресс-мобилизация – реориентация – метаморфоза – новая форма – потенция). Симптоматично, что последняя фаза таких сказок часто удостоивается одной фразы (после всех-то приключений): «с тех пор они жили долго и счастливо и умерли в один день» [69]. Не менее поучительны психологические персонажи таких легенд, мифов, сказок, «застрявшие», «забуксовавшие» в одной из этих фаз.

Застревание на каждой из четырех фаз само по себе настолько символично, что кристаллизовалось в ярких сказочных персонажах.

Стресс-персонажи – «застрявшие в стрессе, фиксирующем защитные границы», т.е. в зерне, в яйце, в стереотипе, шаблоне и т.п., в общем «сухофрукты». В сказках это «Гадкий утенок» – жертва чужих ожиданий; «Лиса и виноград» – жертва самомнения или самооценки; «Свинья под дубом» – жертва наивного интеллекта; «Кощей» – парадоксальное ожидание смерти; и даже «Снегурочка» – фатальная жертва неудачного творения. Сюда относятся все типы «оранжерейных индивидуумов», жертвы «Комитета школьных и солдатских матерей».

Транс-персонажи – «заигравшиеся в переходе». В сказках это «Лиса и колобок», «Лиса и петух», «Лиса и ворона», «Лиса и заяц», «Лиса и волк», «Волк и ягненок», «Медведь и теремок» и даже Сизиф, обреченный катить камень в гору (или современный горнолыжник).

---

¹ Кстати напомним, что само понятие «парадигма», которым озаботились ученые в связи с работами Р. Куна, восходит к Платону, под которым он понимал «организующий эйдос».

Метаморфные персонажи – «скрывающие до поры немислимый потенциал новой формы». В сказках это «Илья Муромец», «Царевна-лягушка», «Спящая красавица», «Золушка», «Чудовище».

Персонажи свободной потенции - «обладающие неограниченными возможностями». Это добрые и злые «Феи», «Джины», «Волшебники» и их помощники, «Боги» и даже парадоксальный «Иван-дурак».

Базовые коммуникативные отношения человека и их транскоммуникативная потенциализация

Базовые *отношения жизнетворчества* унаследованы как плод многовековой эволюции и в этом смысле проявляют себя как неизбежные, даже фатальные. Поэтому их осознание также является неизбежным условием полноценного существования современного человека. По-сути, они отражают четыре основных пласта эволюционного развития человека как существа *растительного, животного, социального и культурного*.

Можно сказать, что потенциал трансформации этих отношений в образовании лежит в основе определения системы коммуникативных и личностных компетенций участников образовательного процесса.

А. Паразитарные отношения (творчество выживания), в которых мы существуем за счет других, точнее, поглощая других, ассимилируя их в собственный жизненный мир. В контексте образования, например, ученики в учителе неизбежно ожидают и видят «материнское или отцовское начало». Чтобы не быть ханжой, учитель должен понимать, что паразитарные отношения пронизывают нашу жизнь не только экспансивно, «горизонтально» (по сферам), но и вертикально, «снизу доверху». Зачатый плод почти насильственно присасывается к материнскому чреву и заставляет женщину становиться матерью. В дальнейшем разрастающийся материнский инстинкт (как другая сторона паразитарного отношения) не выпускает из своих объятий своего отпрыска, который уже давно созрел для автономной жизни. В свою очередь, материнское начало учителя, преподавателя не менее 10-15 лет провоцирует уже достаточно автономного школьника на сохранение этих паразитарных отношений, вплоть до получения аттестата зрелости и даже диплома специалиста. Поэтому не стоит удивляться, если школьники и студенты ожидают продолжения такого типа отношений.

Этот тип первичной идентификации человека со сферой выживания, в котором реализуется паразитарный эгоизм, соответствует **интракоммуникативным** отношениям (замкнутым, но уже децентрированным). Этот уровень отношений определяется исходными внутренними свойствами индивидов и интересубъективный контекст еще не сформирован.

Транскоммуникативная потенциализация паразитарных отношений *в отношении служения* возможна при актуализации общего мировоззренческого контекста, где позитивное отношение к миру и к эволюции является ключевым. Жизнь фатально паразитарна, поскольку все более высокие формы жизни существуют за счет поглощения или ассимиляции более простых форм. Ноэтическая потенциализация отношений на этом уровне может рассматриваться как переход от исходно агрессивных отношений взаимопоглощения и взаимоистребления (дидактический диктат и эксплуатация) к конструктивным отношениям взаимного служения, обеспечивающего социальную приемственность предков и потомков, организаторов и исполнителей (они существуют в одной лодке и взаимноответственны за качество жизни).

В. Симбиотические отношения (полезное творчество), в которых мы терпим других, в той мере, в какой они нам выгодны в самом широком смысле – от источника пищи до источника высоких наслаждений. Важно на этой основе управлять формированием *взаимовыгодных отношений* по возможности с каждым партнером. Здесь

открывается возможность учитывать и оптимально задействовать сильные и слабые стороны партнеров, их индивидуальные особенности. Важно понимать глубинную укорененность этого типа отношений, проявляющихся уже на ранних этапах развития животного царства. Можно найти тысячу примеров гениального симбиоза, обеспечивающего взаимное выживание животных разных ступеней эволюции. Например, союз птички и бегемота, одинокой домохозяйки и кота. Этот тип адаптивных, ситуативно-ориентированных на внешние свойства среды отношений, соответствует **экстракоммуникативным** отношениям.

«Эволюционная обязанность» - научиться договариваться с *очень разными* существами. Транскоммуникативная потенциализация *симбиотических (инстинктивно-корыстных) отношений* возможна в *отношениях согласия, договоренности и контракта*.

С. Социальные отношения (достойное творчество) – плод истории социума. Жизнь человека в социуме с доисторических времен оформляется в виде отношений «социальной иерархии», «социального порядка», «социального долга» и, в конечном счете, *власти*. Социум живет в несоразмерно больших пространственно-временных масштабах, чем отдельная особь. Поэтому неизбежный процесс социализации индивида заключается в приобщении его к исторически оформленным *ритуальным, статусным, ролевым отношениям должностования*. Они часто отягощены взаимным недоверием и подозрительностью в несправедливости и фальши, прикрытой изоцированной идеологией.

Статусно-ролевые отношения «организатор-исполнитель» развиваются как взаимное принятие своих прав и обязанностей в отношении друг друга и формирование соответствующих взаимных ожиданий. Поэтому такие отношения соответствуют **интеркоммуникативным отношениям**. В этом контексте образуются множество представлений людей друг о друге в разных ситуациях взаимодействия, называемые персонификациями. Эта множественность и противоречивость персонификаций в отношении друг друга раскрывает сложности такого типа отношений.

Транскоммуникативная потенциализация деперсонализированных властных отношений возможна в *личностные достойные отношения* взаимной порядочности, честной игры, прозрачности и справедливости. Они кристаллизуются в традиционной культуре в виде справедливого долга и связанных с ним чести и достоинства (гражданин – отечество, учитель – ученик). Этот тип отношений до сих пор далек от совершенства и является горячей точкой культуры вообще и культуры образования в частности. Поэтому эффективное понимание долга и справедливости чаще всего является и проблемой образовательного процесса.

Д. Автономные отношения (Свободное творчество) Стремление к автономии, самодетерминации, самореализации современные психологи относят к базовым врожденным потребностям человека, определяющим его общий потенциал развития и потенциал достижений. Они являются основой альтруистических отношений, бескорыстность которых рождается из глубинных потребностей или внутренней мотивации к исследованию, новизне как таковой, коммуникабельности и компетентности в отношениях. В социальном контексте нужна особая *отвага вступления в бескорыстные отношения*.

Разговоры о бескорыстных альтруистических отношениях часто выглядят ханжескими, лицемерными, поскольку большинство людей имеют горький опыт открытия в них тех же замаскированных корыстных и паразитарных отношений. Ощущение несбыточности надежд построения таких хрустальных чистых отношений базируется на плохом понимании природы собственно человеческого общения.

До сих пор в специальной литературе, посвященной психологии общения, наиболее распространенными являются «концепции обмена» информацией, чувствами и т.п. При этом не осознается и не раскрывается главный специфический фактор общения, отличающий его от простого обмена. В обмене партнерами контролируется соотношение затрат и вознаграждений, т.е. уже знакомый принцип выгоды. Понятно, что при этом

человеческое общение низводится до описанных выше симбиотических отношений. Однако, говоря о человеческом общении принципиально важно понять, что *бескорыстный альтруистический* его аспект заключен в самой его природе. Подумайте о принципиальном различии двух простейших ситуаций.

1) Вы спонтанно решили обменяться с коллегой фруктами; Вы отдали ему свое яблоко, а он Вам свой апельсин. Дети при этом открыто бы начали раздумывать и рассуждать, что вкуснее и что больше, и кто в выигрыше. Мазохизм ситуации в том, что чувство обретения апельсина не стирает чувства утраты яблока. Это как в интермедии Р. Карцева с раками: за пять, но большие, за три, но маленькие. Как часто азарт обмена загоняет людей в тупик...

2) Вы узнали об удивительном благотворном действии на здоровье человека простого яблока и поделились этим с коллегой, а он по ассоциации рассказал Вам об уникальных свойствах цитрусовых. В этом диалоге никто ничего не утратил, но обрел каждый. Даже более простые разделенные знания оказываются в диалоге удвоенными.

Такие отношения, содержащие чудо самовозрастания, соответствуют транскоммунитивным отношениям (в соответствии с концепцией транскоммунитации).

Поэтому в моих работах подчеркивается, что *коммуникативный альтруизм как транскоммунитация является базовым принципом свободного жизнетворчества* является конституирующим атрибутом человеческой природы.

Таким образом, транскоммунитивная потенциализация автономных *комплиментарно-уважительных* отношений возможна в *отношения доверия, доброты, милосердия, симпатии и любви*. Этот высокий тип отношений строится на взаимной эмпатии, выходящей за рамки исполняемого долга. Это отношения, открывающие чудо человеческого общения в виде взаимного дара. В них общение лишено утрат и делает человека щедрым и великодушным в силу естественного преодоления проблем корысти и долга. Здесь взаимная доброта является бескорыстной наградой каждого и каждому. Но именно в этом типе отношений может полноценно раскрываться и реализовываться творческий потенциал достижений созидательного жизненного процесса.

Метакоммуникация и метаноэзис: коммуникативный мир человека поэтического

Возвращаемся к понятию *метакоммуникации* как универсальному потенциалу коммуникации человека на протяжении всей его истории, предистории и будущего. Об этом говорилось в начале работы, сейчас можно сделать важные уточнения и углубления перспектив этого самого человеческого феномена.

Метакоммуникация не сводится просто к «двойному сообщению (по Г. Бейтсону)», или к «коммуникации о коммуникации (П. Вацлавика)», или к «магическим» «поэтическим», «метаязыковым» функциям языка (в системе Р. Якобсона), или к семиологической истории метаязыка (Р. Барта) и, даже, не к «социальному действию» в теории Ю. Хабермаса [5; 10; 68; 80].

Древний человек вздымал руки к высшим силам, затем к богам, затем к *Единому*, чувствуя несоразмерность масштаба этого призыва ни прагматической, ни социальной, ни исторической ситуациям. И сегодня, этот метакоммуникативный призыв превосходит любые критические, нигилистические, циничные интерпретации цивилизации и культуры.

Это переживание или предчувствование трансцендентного присутствия, точнее со-присутствия (В. Франкл), как «высшего единого третьего» делает любую коммуникативную встеречу метакоммуникативной (очень часто «знаки» этого осознаются) [67].

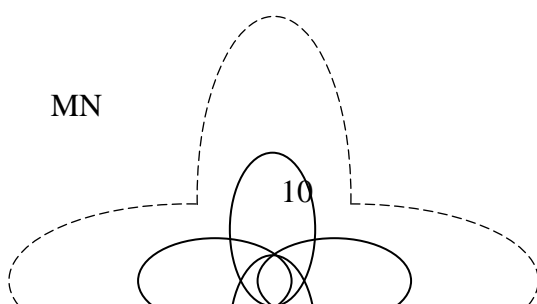
Транскоммунитация в этом контексте является сверхдинамичным фактором межуровневой сообщаемости разнопорядковых миров в едином метакоммуникативном универсуме, соразмерном поэтическому универсуму высших порядков.

Уточним базовую парадигму *метаноэзиса* человеческой жизни в целом (в отличии от рассмотренного выше «микронеэзиса» момента). В свое время мною была высказана гипотеза о возможности постижения и описания целостного *метаноэтического* цикла жизни человека, опираясь на идеи мистической практики средневекового христианства [42]. Дж. Уайт создал афористическую формулу ноэтической трансформации (путь от ортонойи к метанойе лежит через паранойю), обобщающей и древние мистические, и современные трансперсональные практики (Ст. Гроф и пр.) [14; 15; 63].

Для понимания полноты и трансцендентности этого цикла я ввел понятие «протонойи», указывающее на изначальный духовный источник, одаренность, предназначение, «духовный кокон» ребенка как предпосылку духовного соприсутствия (христианство) или кармической сопричастности (буддизм). Эта первичная, диффузная, пластичная, доличностная *протонойальность переживаний ребенка* была отмечена З. Фрейдом как «океаническое чувство», К. Юнгом, Ст. Грофом как «вселенское томление», «вселенская тоска», «вселенский ужас или безмятежность».

Без учета этого феномена сохраняется безответственная установка взрослых на механическую дрессировку ума-разума ребенка, школьника, характеризующаяся не только «бездушностью», но и жестокостью. Так искаженно формируемая *ортонойя* («правильный», конвенциональный, социализированный ум - разум), может существенно замедлить, исказить процесс ноэтического развития, поскольку на выходе и без того болезненную *паранойю* молодого человека уже ждут психиатры с готовым *медицинским диагнозом*. Поэтому при современном высоком уровне цивилизации процесс инициации, «второго рождения в духе» (христианство, трансперсональная психология), т.е. прохождение паранойи на пути к метанойе (покаянному, просветленному, благоговейному принятию жизни) оказывается весьма затрудненным. Чем активнее насаждаются социокультурные иллюзии, которыми пропитана наша информационно-коммуникативная среда, тем труднее и болезненнее их развенчивание. Поскольку культура духовной инициации в «период паранойи» утрачена, а современные ростки мизерны, то в молодом и зрелом возрасте человек оказывается в *классической пустыне*, где к тому же его поджидают различные «пауки аддикций».

Поэтому проблема ноэтического сопровождения с детских лет не только в религиозном плане, но и на современном светском уровне обретает особую актуальность. При этом акмеологические модели, ориентированные на социокультурную эффективность здесь обнаруживают свою относительность. Живой остается идея Христа, идея Тибетской книги мертвых: возможность предельной духовной трансформации вплоть до последнего мига жизни. Имея ввиду метафору «стрелы духа» можно представить схему Ноэтического развития человека как «экспоненциальную функцию» *ускоряющегося духовного самовозрастания* в контексте соответствующих духовных встреч. Эти встречи могут быть маркированы согласно *базовым коммуникативным отношениям*, о которых шла речь в предыдущем разделе. Их потенциализация в простейшем традиционном виде может быть представлена как уровневая (последовательная) и межуровневая с учетом обратных влияний. А если приблизиться к многомерному холистическому пониманию *соответствий* коммуникативного и Ноэтического в жизненном мире человека, их можно представить в форме своеобразного цветка (метакоммуникативное пространство) с уникальной аурой (метаноэзис). Это может выглядеть, например, в виде двойного фрактала. (Рис.1)

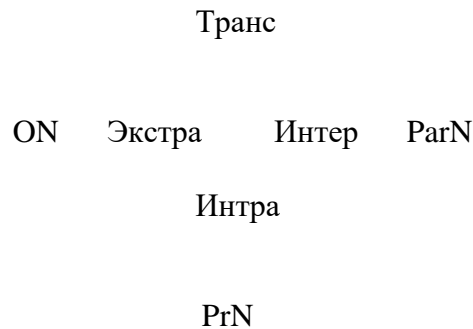

Рисунок 1. Коммуникативный мир личности
 Сплошной контур – метакоммуникативное пространство.
 Пунктирной контур – метаноэзис.
 Интра – интракоммуникативное отношение.
 Экстра – экстракоммуникативное отношение.
 Интер – интеркоммуникативное отношение.
 Транс – транскоммуникативное отношение.
 PrN – протонойя.
 ON – ортонойя.
 ParN – паранойя.
 MN - метанойя.

Таким образом, в коммуникативном мире личности, который эмпирически мы исследовали на достаточно поверхностном уровне, (темы, партнеры, переживания, стресс-транс) в этой схеме обнаруживает универсальную глубину и полноту, сохраняя, однако, уже свою неочевидность [28].

В этом контексте коммуникативный мир личности представляет собой «микронуосферу», в которой человек как личность находит оптимум самореализации индивидуальности не только в дифференциально-психологическом смысле, но и в высших смыслах своего духовного предназначения. Конечно, это потребует принципиального пересмотра базового метода моделирования коммуникативного мира (ММКМ) с непосредственным выходом на его ноодинамику. Поскольку релевантный опыт по-прежнему остается в сфере неочевидного, требуется его постметодологическая интерпретация.

К постметодологии исследования и потенциализации неочевидной повседневности жизни

Проблема постметодологической ориентации психологического и гуманитарного исследования не так давно была мною поставлена в связи с постоянно усиливающимся ощущением принципиальной нерелевантности методов, которые строятся в психологии на основе парадигмы естественных наук [28; 32]. Тогда я говорил о принципиальной невозможности *объективации* «предмета» психологии. Последние заимствования психологии из области гуманитарных наук (семантика, феноменология, интерпретация, герменевтика и т.п.) выглядят курьезными т.к. классики этих направлений сами пытались обосновать эти методы на базе психологии, что логично, имея в виду место психологии в системе естественных и гуманитарных наук.

Если понимать, что в этом «пробеле» не просто неопределенность, а *иное измерение бытия*, тогда и проблему приходится ставить значительно серьезнее.

Положим, *неочевидность* (латентность, сокровенность, непостижимость) душевного как такового вряд ли кого-то удивит, как и бесчисленное множество попыток преодолеть этот барьер.

Мы предлагаем ввести мораторий на *методологизм* в отношении этой особой реальности и опробовать более непосредственные – коммуникативные, транскоммунитивные, метакоммуникативные *практики*, в которых можно искать реальные пути расширения, углубления и возвышения для осознания собственно душевного опыта.

Может быть, тогда мы действительно научимся мерить «подобное подобным». Движению души одного человека может быть релевантно только движение души какого-то ещё человека и во Встрече. Кроме того, мы помним, что транскоммунитивный процесс обладает удивительным «морфическим резонансом» (Р. Шелдрейк) соответствия на разных уровнях бытия [66; 71]. Если в улыбке и слезах жизнь клетки приходит в соответствие с жизнью чувства-мысли на поэтическом уровне, можно предположить и обратное – чувствознание и мыслеформа человека вдруг начинает соответствовать высшему источнику. Он непостижим и может ощущаться лишь символически (К. Юнг) или резонансно (Р. Шелдрейк). Тот метакоммуникативный зов и метаноэтический отклик в коммуникативном мире личности может существовать постоянно. «Человек действует спонтанно (творчески), пристально вслушиваясь в то, что зреет в планетарном сознании... Это платонизм. Человек не механически считывает, а творчески распаковывает континуум смыслов» - писал один из уникальных первых отечественных трансперсоналогов В.В. Налимов [50].

В психологическом познании считается традиционным противопоставление объяснения и понимания, причем первое представляется как естественная основа познания, а второе чаще соотносится с гуманитарными науками [77; 78]. В то же время при ближайшем рассмотрении противопоставленность таких понятий является не только весьма условным, но и затрудняет кардинальное решение проблем познания вообще, особенно психологического. Даже если взять простой синонимический ряд - выяснение, уяснение, прояснение, пояснение, то можно увидеть, что у близких по существу указанных процессов их внутренней сущностной стороной является понимание. Разрыв этого единого континуума (понимание - объяснение) может вести или к явному упрощению или к недоразумениям в структуре познавательного процесса. С объяснением традиционно связывают тенденцию к редукции, сведению объясняемого феномена к более простой и очевидной реальности; понимание же, появляющееся в *широком* герменевтическом круге в контексте толкования специфичности и уникальности исследуемых явлений связывается с *релевантностью*. Если в духе научного постмодернизма снять рассматриваемую дихотомию, можно получить единый континуум «понимание – объяснение» с тонко дифференцируемым спектром переходов от одного полюса к другому. Именно в этой протяженности можно определить соответствующую постмодернизму новую *метаметодологию* или *постметодологию*. В ней уже снимается одностороннее ориентация только на объяснение или на понимание, а также фатальная нацеленность на метод, их конституирующий. При этом первичное интуитивно-метефорическое восприятие предмета исследования выходит на первый план, что и позволяет вернуться к проблеме релевантности исследования на новом уровне и обратить внимание на ценность феноменологического анализа [4; 20; 77].

Однако, релевантность объяснения в современной психологии остается неудовлетворительной в связи сохранностью «базовых призраков» в понимании природы и ее предмета: производность от физиологического и отраженная производность от физического. Поэтому остаются необъясненными основные трансцендентные качества душевной жизни человека: первичность душевной энергии; сокровенность душевной

информации; гипермерность душевного пространства; интенция к вечному в душевном времени. Имея в виду, что эти качества душевного опыта, проявляются в трансовых переживаниях - *катарсисе, импринтинге, экстазе, инсайте* - постметодологическая ориентация может быть построена на базе концепции транскомуникации т.е. общении, выходящим за рамки стереотипов нормативной коммуникации. В контексте такой постметодологии трансовые переживания одного человека могут быть поняты только через подобные трансовые переживания другого человека (исследователя) как *Иного*. Отсюда новая исследовательская схема: интуитивное понимание предмета исследования (душевного в ином измерении) на основе синтеза понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе - непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета) - создание транскомуникативной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету - инициирование транскомуникативного процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету. Реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

Транскомуникативный универсум психологических парадигм

Такой подход предполагает уже полипарадигмальное понимание предмета психологии через конкретный феноменологический анализ основных ее школ. На этой основе уже можно не проецировать на психологию хронический кризис в контексте одной психологической школы или парадигмы, а понять драматическую их преемственность. Тогда развитие научного знания в истории может выглядеть как экспоненциальная в системе координат «релевантность - динамичность». На этой экспоненте располагаются как минимум 8 научных парадигм и школ.

- *Биопсихология* (психофизиология, психосоматика, телесноориентированная психотерапия, биоэнергетика, биологическая обратная связь в саморегуляции, аутогенная тренировка и т.п.). Концентрируясь на минимальном психологическом феномене-момента «психосоматического соответствия» это направление разрабатывает наиболее дифференцированные представления об интерпсихической реальности. Но сама эта реальность непосредственно связана и видимо *производна* от элементарной *психосоматической коммуникабельности* человека. С чего это начинается? Или с коммуникативного поля эмоционального психосоматического контакта «мать - младенец», или с коммуникативного континуума «обладание сексуальным партнером – самообладание» (или наоборот)? Это проблема «журица - яйцо» и вечная психофизиологическая проблема психологии. В любом случае речь идет об элементарной «точечной» коммуникации, проявляющейся уже в перинатальный период. Далее я должен быть более кратким, применяя тот же принцип анализа.
- *Поведенческая* (когнитивно-бихевиоральная психология) уже делает акцент на экстрапсихическом поле ситуации и анализирует организацию психических процессов в масштабе сложного поведения. Можно представить и описать этот уровень душевной жизни как производный от ситуативной коммуникабельности индивида к определенным мотивационно значимым аспектам окружения.
- *Динамическая психология* (психоанализ) на основе открытия бессознательной способности и склонности индивидуума к активной проекции душевных переживаний выходит за пределы наличной (S-R) ситуации. Здесь аналогично можно говорить о производности психодинамических процессов от проективной коммуникабельности индивидуума, которая задает значительно более масштабное коммуникативное поле «переносов и контрпереносов» по сравнению с поведенческой парадигмой. Не случайно современные психоаналитики все больше ориентируются на коммуникативный подход.
- *Гештальт – психология* интегрируя все предыдущие представления о душевной активности идет дальше на основе понимания универсальной гармонии гештальта и

открытия «психологического поля» как еще более масштабной реальности душевной жизни человека. Здесь также можно предполагать действие особого фактора «гармоничной коммуникабельности», чувствительной к диссонансам и консонансам в коммуникативных отношениях.

Если первые 4 парадигмы относятся к классической, «телесноцентрированной» или *микро-психологии*, то следующие 4 парадигмы характеризуют современную, «культуроцентрированную» макро-психологию, поскольку источник душевной жизни *осмысливается не столько через организм, сколько через культуру социума*.

- *Социальная психология* (символический интеракционизм) представляет человека как субъекта интериоризации и экстериоризации множества формальных и неформальных социальных, символических ролей. Здесь уже очевидно, что таким образом организованная душевная жизнь социального субъекта является прямым следствием сформированной в культуре системы конвенциональной коммуникации.

- *Гуманистическая психология* возможно впервые рельефно обозначившая нередуктивное полноценное представление о самоактуализирующейся личности прямо базируется на особых свойствах человеческой коммуникации – эмпатии, децентрации, самораскрытия. Важно подчеркнуть, что такая собственно межличностная коммуникация выходит за рамки конвенционально-ролевой коммуникации, представленной в предыдущей парадигме.

- *Экзистенциальная психология* преодолевает границы самоактуализации личности через открытие феноменов аутентичной самотрансценденции, что непосредственно связывается со способностью человека к собственно «экзистенциальной коммуникации» (К. Ясперс). Она рождает возможность свободного самоопределяющегося бытия человека в ситуации соприсутствия.

- *Трансперсональная психология* через открытие спектра *альтернативных состояний сознания* (АСС)² ставит проблему преодоления человеком собственного личностного Эго и выход к «космическому сознанию» на основе трансперсональной коммуникации, управляющей динамикой движения в спектре АСС. Практика коммуникации этого уровня через динамику АСС удивительным образом возвращает человека к его телесности в новом качестве – одухотворенной телесности.

Транскомуникабельность постметодологического релевантного исследования в психологии

Духовный мир (как трансцендентальный по определению) *непосредственно не представлен* в душевных процессах. И если не опускаться до слишком ортодоксальных бихевиоральных редукций, то можно понять *интуитивную чувствительность человека к его соприсутствию в духовном мире как символическую, синхронистическую и ценностную* [67; 74]. Следовательно, для релевантного понимания душевного мира необходим холистический подход к анализу психического в контексте *духовно-душевно-телесного соответствия*. Имея в виду разнопорядковость (разноуровневость) *духовного, душевного и телесного* миров человека, соответствие и гармония в созвездии этих миров – результат не детерминизма, а именно их «соответствия» т.е. транскомуникабельности, что и мотивирует выход в постметодологическое пространство анализа.

Интересно, что уже в начале и середине прошлого столетия такие несоизмеримо разные психологи как К. Юнг и Ж. Пиаже отмечали некорректное неадекватное использование в отношении душевной жизни заимствований из физики, таких как «сила», «энергия», «работа» и даже «детерминизм» [53; 75; 76].

---

² В большинстве публикаций по трансперсональной психологии альтернативные состояния сознания обычно называют *измененными* состояниями сознания (ИСС), что на наш взгляд ориентирует на зауженную и искаженную интерпретацию многомерного, многоуровневого спектра всех состояний сознания человека. (Подробнее см. К. Уилбер «Интегральная психология. Сознание, дух, психология, терапия».)

Предмет психологии слишком необычен по сравнению с большинством наук. *Естественные науки* «вещественно» изучают вещество и допускают психологию в качестве науки, изучающей душевную жизнь лишь в качестве свойства высокоорганизованной материи.

Гуманитарные науки рассматривают семиотические, символические, смысловые «продукты» душевной активности как данность (естественно, в чем-то воплощенную). А вопрос об их природе часто молчаливо переадресовывается психологии.

Сама психология, находясь между этими главными сферами научного знания, видимо, уже давно заработала хронический «комплекс неполноценности», от которого, правда, один шаг до мании величия. И то, и другое уже отрефлектировано в современной психологии – комплекс неполноценности предрасполагает к «физикализму», мания величия – к магии. С последним комплексом проще т.к. он легко вытесняется за рамки *научности*; с первым – сложнее. Механицизм неизбежно ориентировал психологию на метод, методологию и технологию. Естественная наука механика начинается с измерения. Механицизм требует «объективности» и это требование естественно было ассимилировано в качестве главного требования к методам ранней психологии. Современная наука, осознавшая моделирование как универсальный метод, неизбежно признала фатальность редукции как полезного упрощения. Если модель не проще, или сложнее моделируемой реальности, она теряет смысл. Конечно, имеется в виду редукция, сохраняющая и акцентирующая существенное. Но, здесь, как правило, камень преткновения и «поле брани» научных школ [77].

И ключевым при этом является вопрос о качестве научного знания. Классические школы (преимущественно в области психофизиологии и бихевиоральных наук) удовлетворяются «метафорой» *объективного знания* (объективность приравнивается к критерию истинности), игнорируя стоящую за этим определением почти неразрешимую проблему его *субъективной* сущности. Определенный прогресс наметился при переходе к анализу парадигмального знания, в контексте работ Т. Куна. В этом типе знания «призрак объективности» перестает быть навязчивым в связи с тем, что в относительности и множественности парадигм явно просматривается конвенциональный и субъективный фактор. Поэтому закономерным является уже более динамичный переход к личностному знанию, где субъективно-личностное измерение становится определяющим. Это в свою очередь породило постмодернистский кризис гуманитарных наук, позитивной стороной которого явилась потребность в новом качестве знания более высокого порядка. На этом этапе сама субъективная суть знания нуждается в переосмыслении в принципиально более широком контексте [22]. При этом наука неизбежно сталкивается с непривычными и неожиданными качествами знания, связанными с его трансперсональностью, транссубъективностью, трансцендентальностью. Это новое качество научного знания в последние годы анализируется отечественными психологами нового поколения на уровне методологической рефлексии как существенная особенность постнеклассической психологии [17; 21; 45; 78].

На этом этапе *ноэтическая, духовная компонента знания* хорошо осознается не только в области философско-гуманитарных наук, но и наук естественных, принимавшихся ранее за эталон объективности [13; 37]. Психологическое знание также неизбежно трансформировалось в контексте указанных общенаучных тенденций, однако, в силу необычности (трансцендентности) самого предмета психологического исследования, последнее уже не уместится в рамках известных методологий, что оборачивается, на мой взгляд, проблемой постметодологии.

Драматизм этой ситуации существенен для психологии, имеющей дело с *субъективной реальностью*. Психологи–основатели старались следовать требованиям естественнонаучного метода, что привело к созданию тысяч психологических тестов и изобретению изощренного факторного анализа (Ф. Терстоун), уже успешно ассимилированного другими науками. При этом, преодолевая «комплекс

интроспекционизма» (в связи с обвинением Огюста Конта), даже решились редуцировать душевный процесс до поведения (бихевиоризм). Попытка реабилитировать самостоятельность душевной жизни породила соблазнительное для многих «мифотворчество психоанализа», как, видимо, другую крайность. Тем не менее, многие выдающиеся психологи понимали *неадекватность и нерелевантность объективирующей редукции относительно душевной реальности*. Поэтому они обращались к древним источникам знания, которые еще не скованы жесткими научными парадигмами, на основе современного мировоззрения [7]. Я имею в виду линии развития, прежде всего экзистенциальной и, особенно, трансперсональной психологии – от работ К. Юнга, Р. Ассаджиоли до современных трудов К. Уилбера в духе холистической и Х. Феррера в духе эпистемологической трансперсональной психологии [3; 38; 63; 65; 74].

В таких работах часто имплицитно начинается пересмотр принципиальных основ психологического исследования и практики. *Целостное, нередуктивное понимание душевной жизни возвращается как главная ценность психологической науки* – холистическая психология обретает особое значение. Восстанавливается уверенность в возможностях непосредственного понимания живого психологического опыта и непосредственной работы с ним (медитация, управляемое воображение, различные виды рефлексии в альтернативных состояниях сознания). Возвращаются представления о «тонкой» - эйдетической, смысловой, ноэтической организации мира и интимной причастности ей человека.

В отношении трансперсональной психологии со стороны академической психологии существуют серьезные претензии в связи с вроде бы легкомысленной ассимиляцией оккультных знаний, начиная с шаманизма... Конечно, исключительное достоинство научного знания – это стремление к ясности (объяснению, прояснению и т. д.) в сравнении с эзотеричностью других знаний (например, астрологических). В то же время трудно не согласиться с трансперсональными психологами в необходимости преодоления методологической редуктивной объективации, не релевантной специфике психологической реальности [9; 15; 62; 64].

Я обнаружил *ноэтическое направление* в этой пограничной области, существующее не менее *трех тысяч лет*: от Анаксагора, Платона и неоплатоников до современных представлений о ноосфере П.Т. Шардена и В.И. Вернадского [24; 25; 26]. Важно, что этот луч знания оказался даже выше противопоставления теологического и светского знания. В этом направлении работали не только богословы, философы, но и ученые естественнонаучной ориентации (вышеназванные П.Т. Шарден, В.И. Вернадский). Этот «светлый взгляд» на жизнь Вселенной предполагал существование мирового ума (Анаксагор), его эйдетическую активность (Платон), пробуждающую в человеке «умное делание» (мистическое и святоотеческое христианство), изначальную ноэтическую интенциональность сознания (Э. Гуссерль) в контексте ноосферы как трансперсональной реальности (К. Юнг). Эта реальность характеризуется весьма дифференцированным спектром *альтернативных состояний сознания*, естественным образом преодолевающим примитивную дихотомию психоанализа: сознание - бессознательное [24; 63].

Я обнаружил, что давно изучаемый мной феномен «транскомуникации» [23], как выводящий человека из самодостаточности для настоящего взаимопонимания с Другим через трансцендирование имеет непосредственное отношение к этому ноэтическому пониманию душевной жизни. Транскомуникативный подход предполагает, что человек не только может общаться с людьми как с «иными» (другими по-настоящему), но и с разнопорядковыми сущностями – как с более простыми «братьями меньшими», так и с более сложными – группа, культура, нация, космос.

«Светлый взгляд», который не так давно открыл К. Уилбер, а у Г. Фехнера, образующийся пониманием тонкой духовной организации космоса [63], и, который мы, в силу своей невнимательности или узости сознания воспринимаем в качестве грубо материального конденсата [83], может быть развит и переведен в научную область с

помощью *концепции транскомуникации*. Важный аспект сообщаемости разнопорядковых миров акцентировал В. Франкл в рамках «димензиональной онтологии» в контексте его примера о том, что в трехмерном пространстве простой стакан может выглядеть и восприниматься в двухмерном пространстве как круг или прямоугольник [67]. Интересно, могли бы «виртуальные» двухмерные человечки, видящие его (стакан) в разных ракурсах как НЛЮ, догадаться или договориться, что это «одно и то же» (имеется в виду круг и прямоугольник). Когда мы сталкиваемся с более N-мерной реальностью, чем наш четырехмерный мир, в лучшем случае мы чувствуем символы или «знамения» присутствия чего-то важного, но непостижимого. К. Юнг пытался «объять» такие события с помощью понятий синхроничности и трансцендентальной функции.

Я предположил, что здесь мы сталкиваемся не просто с более сложными свойствами «тонкого мира», а с активным живым *процессом сообщаемости разнопорядковых миров, как процессом транскомуникации*. Иначе, каким образом понять реальную холистичность мира?

Древние мудрецы чувствовали, что человек – это микрокосм т.е. подобие макрокосмоса. Строгим наукам пришлось об этом забыть. Феномен, или точнее сквозной космический фактор транскомуникации позволяет понять, по крайней мере, на уровне микрокосма – как это происходит в человеке (вершинной точке эволюции универсума по П.Т. Шардену). Нередуктивный целостный взгляд на человека предполагает понимание его как *духовно-душевно-телесного соответствия* (т. е. сообщаемости) в духе «холархии» [63]. Это же связано с проблемой «собственно человеческого» в человеке, акцентированной гуманистическими и экзистенциальными психологами, возмущившимися доминированием «зоологизма» в традиционной психологии (психофизиология, бихевиоризм, психоанализ и пр.). Феноменология транскомуникации показывает, как тело может (!) *соответствовать* духу (т. е. общаться с ним). Во многих своих статьях я упоминал в этом контексте об уникальности человеческих слез и улыбки [25; 26]. В отличие от звериного оскала, человеческая улыбка связана не только с радостью, но и с юмором, восприятием переносного смысла метафоры, т. е. *трансмысла*. Человеческие слезы (физиологическая функция которых - очищение от инородного) воплощают духовное очищение (катарсис) и при чтении книг, и на спектаклях и в сложных человеческих отношениях. Смех и слезы часто образуют динамичное единство: способность смеяться до слез и способность перейти от слез к улыбке. Заторможенность таких способностей означает ослабление транскомуникации между телом и духом, что ведет к соматическим и психическим расстройствам. Здесь я лишь замечу, что К. Роджерс любил напоминать нам о великой мудрости человеческого тела, и предостерегал о возможной утрате контакта с ним [59]. Но насколько оно искренне отзывчиво и «хорошим» и «плохим» образам, мыслям, чувствам! В этом - великий потенциал и великая опасность саморазрушения (специалисты по психосоматике привели бы нам тысячи примеров).

Чтобы на основе уже представленного выше контекста ввести главный принцип нозтической транскомуникативной психологии необходимо обратить внимание еще на одну странную иллюзию, незаметно превращающуюся в постулат во многих работах, где говорится о душевной жизни, о сознании, как «*внутреннем мире*». Создается впечатление, что употребляющие такую метафору представители гуманитарных наук и прежде всего психологи не удосуживаются осмыслить ее противоречие. Собственно о каких «внутренностях» идет речь? Когда задается такой вопрос, и студенты, и специалисты почти инстинктивно, автоматически указывают пальцем на голову, реже – на сердце. Когда спрашиваешь: «А может ли душевный мир уйти в пятки?» - только в таком юмористическом контексте начинает осознаваться парадоксальность данной метафоры.

Психофизиологический миф нескольких столетий, о том, что именно мозг рождает образы, мысли, чувства как печень выделяет желчь, постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии» так и не смог претерпеть ни одну верификацию.

Король оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Не все, но большинство, как специалистов, так и дилетантов в этом не сомневаются. Тогда как же существует эта реальность. Вот здесь мы и возвращаемся к ноэтическому лучу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней – всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Не образы, эйдосы...внутри нас, а *мы внутри эйдосов*. Нужна порция скромности, что бы признать (после хронической мегаломании), что мы не самая совершенная реальность Вселенной; что вокруг нас незримые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроя души» и т. д. Синхронистичность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера - быть в образе. Кстати, эту «тонкую мысль» постоянно пытаются донести дети взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляя себя в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» научным парадигмам?

В этом контексте можно перейти к ключевому понятию данного раздела – к *постметодологии*. Это понятие может характеризовать тот новый тип знания, которое было обозначено как трансперсональное, ноэтическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. В этом плане предполагается, что концепт транскомуникации, применительно к психологическому научному исследованию, можно обозначить как *транскомуникативный подход в русле постметодологии*. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объективации. В результате укореняется схема традиционной методологии, которая выглядит незыблемой: методология - метод - отражение -объективация. Возможно ли решить такую необычную задачу с помощью феномена и концепта транскомуникации?

Во-первых, вспомним простое забытое: физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным». И психологии пришлось искать изощренное решение такой задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное *моделирование* психических процессов [11] . Конечно, лучше работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с *моделями* «черного ящика» - души. Это кибернетическая версия.

Однако, столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. «Подобное – подобным!» - возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Загадочная способность души понимать самую себя и душу другого – это для нас ценнейшая зацепка. Традиционно в рамках культурно-исторической психологии это формулировалось как интериоризация и экстериоризация и далее как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на это сквозь призму транскомуникативного подхода. Общаясь, мы действительно выходим за пределы себя, т.е. *транскомуницируем*, но происходит это видимо эйдетически, ментально, ноэтически. При этом коммуникация и тем более транскомуникация - это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, этих продуктов «жестокости» и латентного научения, в которых закована традиционная коммуникация, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации (К. Ясперс, 1991) и далее - к *транскомуникации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности».

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем [25].

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскомуникабельности тела – души – духа. Повторимся, что транскомуникация - это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Выходит, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) *своим* вербально – невербальным языком другому или себе, я решаюсь на наименьшую редукцию. *В этом смысле транскомуникация дает нам непредвзятый уникальный опыт друг о друге и нечто уникальное третье – наше общее как результат взаимного преодоления барьеров.*

Таким образом, мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом – как сохранить для ноэтической *психологии* нередуктивный опыт, появляющийся в транскомуникации. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса обязательности объективации. Понять или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это опять же возможно только в транскомуникативном процессе. Поскольку в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскомуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим переносный смысл, т.е. по-сути *трансмысл*. Часто именно по метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскомуникативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного факта, акцентированного в свое время Г. Олпортом, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскомуникации, в частности психолога и клиента могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» и И. Ялома [81; 82].

При этом остается и обостряется *проблема сохранения научности на постметодологическом уровне*. Я вовсе не считаю, что постметодологическая перспектива необходима для других наук – в этом я сомневаюсь. Мысленное экспериментирование с постметодологическим прорывом появилось у меня «не от хорошей жизни». Конечно, соблазнительно с точки зрения простых критериев наукообразия свести душу к «психике», а последнюю к поведению; будучи первокурсником ЛГУ я был «уверенным бихевиористом». Сейчас я вспоминаю: а встречались ли мне «неуверенные бихевиористы»? - Не припомню. Тип методологии, избираемой ученым, и тип его личности определенно связаны. А я чем дальше, тем больше сомневался в релевантности признанных методологических подходов.

Что касается естественных наук, прогресс здесь очевиден. Например, если в конце 19-го века мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в 20-м - с компьютером, то в 21-м микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «Интернет пространство» могут образовать миллиарды нейронов с триллионами их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора – человек как микрокосм подобен космосу, уже подтверждается физиологически. Но это только физиологический уровень. С точки зрения холистического ноэтического подхода – тело – это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных N-мерных свойств универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако, человек, развивая свое *личностное измерение* и Я-концепцию, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса в отношении основных физических ограничений, на которые неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные *различия между физическими и психическими: энергией, информацией, пространством и временем*.

Трансцендентальный характер этих аспектов душевной жизни, начиная с древних мудрецов с какой-то неотвратимой регулярностью отмечается мыслителями всех эпох, вплоть до современной трансперсональной психологии.

Основные транскомуникативные лучи, описанные в прежних моих работах, проявляются в «пиковых переживаниях» [46] - *катарсисе, импринтинге, экстазе, инсайте*. С другой стороны, лучи нисходящей (катарсис), импрессивной (импринтинг), экстенсивной (экстаз) и восходящей (инсайт) транскомуникации обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (между зачатием и смертью). На этом макроуровне им соответствуют *поэтические сезоны душевной жизни*.

Эта глобальная метафора подробно представлена в последних моих работах [27; 28; 30]. Здесь я к ней возвращаюсь, чтобы сделать новый акцент в понимании именно человеческой психологии. Мы привыкли к фатальной модели жизни в связи с ботаникой, биологией, позитивистской психологией, социологией и акмеологией. Согласно им все живое зарождается, растет, расцветает, переживает апогей и с той или иной скоростью увядает. В этом ряду, пожалуй, исключением является концепция Б.Г.Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе – вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется ввиду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших сенсомоторных функций. Горизонтальный или билатеральный контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи с развитием высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что в то время как низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, высшие психические функции, развиваясь на основе межполушарного взаимодействия могут развиваться интенсивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру. Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянно возрастающее за счет вышеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования [1]. Знаменательно, что Б.Г. Ананьев подтвердил эту гипотезу своей жизнью и смертью.

В особой степени я стал интересоваться ноэтикой, ноологией, когда столкнулся с понятием *метанойя* в трансперсональной психологии [62]. Оно исходит из далеких христианских традиций, где под метанойей понимали просветление, объединяющее озарение и покаяние, интуицию и совесть. Святоотеческий опыт, отраженный в текстах о добротолубии показывает возможность перехода такого пикового переживания момента в длительное состояние и даже в последний сезон жизни как подготовку к чему-то большему - жизни в духе. Еще Л. Толстой в «Холстомере» писал, что есть два вида старости – гадкая и величественная. Именно последний вид относится к сказанному выше и прямо говорит о том, что метанойя может быть не только результатом специальных практик, существующих во всех мировых религиях (не только в христианстве), но и *естественным* последним периодом земной жизни. Я имел счастливый период наблюдать это у своей бабушки, конечно, не задумываясь вовсе об этой проблеме. Сейчас мне ближе по сравнению со всеми вышеназванными науками об увядании, «гипотеза», сформулированная в «Тибетской книге мертвых» (в редакции К. Г. Юнга), а именно: чем сильнее, точнее, яснее выпущена «стрела духа» умирающего человека, тем значительнее его результат жизни в трансцендентальном смысле.

Путь к метанойе труден, поскольку лежит через *паранойю* (не в узком медицинском значении), полную опасностей, страхов и рисков, начиная с подросткового бунта, «потери головы» от любви, непонимания, одиночества вплоть до христианской «пустыни» или репрессивной социальной изоляции. Примечательно, что этот прорыв за рамки правильного разума – *ортонойи* – несмотря на более чем двадцатилетний период директивной социализации (семья, детский сад, школа, армия, ВУЗ) происходит регулярно и естественно в сферу сомнений и понимания условностей и фальсифицированности большинства норм, правил, ценностей социокультурного устройства. Но это происходит у каждого слишком по-разному, потому что

«ортонойяльное образование» начинается не с чистого листа. И речь здесь не просто о критической оппозиции генетической психологии ортодоксальному бихевиоризму во взглядах на ребенка. В ноэтической психологии сложнее – должна получить право на существование и осмысление гипотеза о том, что суть одаренности ребенка намного глубже и тоньше: каждый рождается в уникальной «колыбели духа». Ее мы называем в соответствии с принятой схемой – *протонойей*. Именно благодаря этой «протонойяльной колыбели» младенец имеет еще и важную автономию от прямого диктата наследственности. В этом смысле ранее я упоминал о том, что первичные эйдосы младенца защищают его от традиционной нормативности ортонойи взрослого. Если этот протонойяльный кокон взламывается взрослыми или обстоятельствами раньше времени, судьба растущего человека становится причудливой и плохо предсказуемой...

Такая *схема* (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека - протонойя – ортонойя – паранойя – метанойя, в отличие от традиционных моделей «взлета - падения» выглядит скорее как *экспоненциальная функция духовного роста*, который может набирать скорость вплоть до конца жизни человека. Эта схема уже внутри себя содержит *ориентацию на нередуктивность духовного становления человека* и в этом смысле может стать основой развития соответственно нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых я рассмотрел транскомуникативный подход. В контексте этого подхода постметодологическая схема исследования может выглядеть так:

- Интуитивное понимание предмета исследования на основе синтеза вербально-невербальных и понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе;
- Непосредственная релевантность теории предмету исследования; аутентичная синтонность теории и предмета т.е. непосредственная легкость перехода от языка теории к «языку предмета»;
- Создание транскомуникативной ситуации исследования, непосредственно релевантной теории и предмету;
- Инициирование транскомуникативного процесса исследования, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Предполагается, что реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

Постметодологическая перспектива исследований предполагает не только бесконечность неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и аналогичную бесконечность возможностей концептуально-метафорической схематизаций представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур), одной из которых является рассмотренная здесь схема. Из этого же обстоятельства вытекает и бесконечное разнообразие вариаций постметодологических стратегий исследования, даже если последние вытекают из единой теории, например, теории коммуникативных миров и ММКМ. Рассмотрим такую перспективу.

Исходным условием здесь является вовлечение респондентов в ситуацию самоанализа своего жизненного мира. Исследователь актуализирует у них ценность аутокоммуникации и ценность коммуникативного мира.

Основанием активности респондента является не столько «инструкция», сколько индукция свободно смыслотворчества:

- 1) сказать что-то о *проблемах*, темах, интересах, которые обсуждаются с собой и в своем круге общения;
- 2) сказать что-то о *партнерах*, с которыми обсуждаются указанные проблемы;
- 3) далее производится невербальное субъективное оценивание *интенсивности* переживаний и общения в обозначенных выше контекстах.

Стандартизировать такой материал не составляет большого труда. Так, уместающийся на одной странице и соотнесенный по всем названным аспектам, он даст минимум сто невербальных показателей [28]. Однако, важнее понимать основной ценностный вектор анализа смыслового пространства - времени коммуникативного мира. Он задается на первом этапе самоанализа каким-то определением исходной проблемной ситуации. Предполагается, что таких способов может быть великое множество. Я и мои коллеги применяли данную исследовательскую схему к анализу внутреннего мира личности, коммуникативного мира личности в семье, в компании, учебной группе или организации и т. п. Любое метаценностное основание может ориентировать внимание на различные ценностные субмиры. Так мы получали специфическую информацию о субмирах студентов и их родителей, предлагая им следующее определение исходной ситуации: «Ради решения каких проблем и ради кого Вы готовы изыскивать и резервировать свои жизненные ресурсы?». Такая ситуация ориентирована на выявление метаценностей и метамотивации. Аналогично исследуются коммуникативные миры образования глазами студентов и преподавателей, где открываются реальные образовательные ценности и т.д.

В постметодологической перспективе далее мы намерены переадресовать определение основного ценностного вектора коммуникативного мира самому субъекту этого мира, как бы доверить ему «чистый лист» или дать полную свободу самотрансцендирования. Этим самым мы получаем постметодологическое расширение исследовательской ситуации. Для достижения полной релевантности *ситуации и процесса* исследования в качестве вариантов можно предложить принципы организации «Группы встреч», «Группы экзистенциального опыта», «Практикума ноэтического опыта» как собственно исследовательские.

Главный критический вопрос – не аналогична ли такая стратегия намерению горе - исследователя, умервляющего лягушку, чтобы понять, что же ею движет; или вытаскивающего рыбу из воды, чтобы она увидела свой жизненный мир со стороны и тем самым пробудилась к самосознанию?

Персональная образовательная траектория сотворения индивидуального транскоммунитивного мира

В заключении мы предлагаем пилотажный постметодологический проект «Сотворение мира». Парадокс динамики современной многомерной культуры состоит в том, что глобализация коммуникативно-образовательных сетей интенсифицирует множественную идентификацию этнических и конфессиональных субкультур. Всё это неизбежно обостряет понимание *универсальности* персональной идентичности человека, реализующейся в его суверенном коммуникативном мире.

Проблема развития персональной коммуникативной сети, с помощью которой человек творит и оптимизирует индивидуальную траекторию образования себя как профессионала и трансфессионала, выводит на первый план не просто субъектное, но именно личностное его начало, поскольку предполагает его встречу в этой сети с такими же суверенными, как и он, другими личностями. Оттолкнемся от традиционного понятия коммуникативной сети. Коммуникативная сеть как простая или сложная структура каналов передачи информации возникает или актуализируется в случае, если коммуникатор достигает адресата (реципиента), или реципиент находит информационный ресурс коммуникатора. Сети различают по характеристикам каналов и информационных носителей, поскольку они определяют количество и качество возможных коммуникативных процессов [48]. Поэтому для решения такой проблемы представляется наиболее релевантным транскоммунитивный подход, базирующийся на теории транскоммунитивной и транскоммунитивной концепции личностного роста в образовании [33; 36]. В данной работе он служит постметодологическим

основанием, поскольку предлагаемые ниже концептуальные схемы являются его последовательными конкретизациями.

Транскокоммуникативная экзистенция личности, социума, культуры в образовательном пространстве

Культурно-исторический анализ антропогенеза выявляет общую транскокоммуникативную ось от архаики до современности, конституирующуюся определенными формами и трансформациями жизненных коммуникативных пространств [56; 83]. Не случайно в прошлом столетии получили мощное развитие концепции не только взаимодополнительности, но преемственности и взаимной транзитивности коммуникативных процессов *социального, культурного и личностного* уровней жизни человека. Имеются в виду концепции М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, М. Бубера, Д.-Г. Мида, Ю. Хабермаса, К. Ясперса и др. [5; 36; 59; 73]. В этом контексте универсальной составляющей жизненного мира человека, объединяющего указанные уровни, являются *транскокоммуникативные отношения*, т.е. отношения, характеризующиеся возрастающим трансформативным потенциалом. Речь идет о погруженности каждого человека в конкретную историческую, социальную, культурную личностно значимую ситуацию, в которой он в определенной степени чувствует, переживает принадлежность и сопричастность всем этим уровням ситуации и в то же время может (обладает потенциалом) *внести свой личный вклад в их осуществление и изменение*.

Однако, проблема внесения человеком творческого инновационного вклада в социум, культуру, профессию, связана с *аутентичностью* его личности. Аутентичность же может быть понята только через раскрытие уникальности человеческого Я. Психология человеческого Я, в качестве центрального фактора личности, имеет большую историю. Проведено много исследований и построено множество концепций в рамках различных психологических парадигм и школ (соответственно от телесного до трансперсонального Я), которые фиксировались чаще в словах метафорах, таких как: Оно, Эго, Суперэго; физическое, социальное, психическое, духовное Я; практическое и высшее Я; Самость, Проприум, I, Me, Self и даже Subperson и Person. Не называю здесь множества авторов этих концепций, поскольку до последнего времени тенденция центрироваться на своей классификации, не производя тщательных соотнесений с другими концептами, существует до сих пор. В этой ситуации я тоже продолжаю экономить слова, говоря лишь, что большинство этих концептов мне трудно признать достаточно полными, несмотря на их высокую креативность.

Для решаемой здесь проблемы наиболее близкими оказываются концепции К. Юнга, Р. Ассаджиоли, Д. Г. Мида, А. Лэнгле [3; 43; 47]. К сожалению, не получила достаточного развития классическая концепция Д. Г. Мида, определяющая Self как диалог (коммуникацию) I и Me, а концепции *аутентичной самости* К. Юнга и А. Лэнгле требуют прояснения ее коммуникабельности или глубже – транскокоммуникабельности. Помня прозрения К. Ясперса, представим *центральную инстанцию* во множественном Я личности как интуитивное чувство аутентичности или *интуитивную аутентичную со-весть*. Это означает способ приобщённости к *высшей весте*, имея в виду её *транскокоммуникативный смысл*.

Здесь вполне оправданно предположить, что «экзистенциальная коммуникация», возникающая по К. Ясперсу «из глубины молчания совести», связанной в этот момент с Всевышним, восходит уже на уровень трансперсональной коммуникации или собственно транскокоммуникации. Применяя четырехмерную модель транскокоммуникации к анализу базовой дифференциации центральной инстанции человеческого Я, получаем следующую конкретизацию.

А. Нисходящий луч транскокоммуникации (в направлении телесности) формирует *децентрированное катарктическое Я*, архетипическое по природе и вырастающее из «Мы» – коллективного бессознательного (по К. Юнгу, Б. Ф. Поршневу). Это первично децентрированное Я (предшествующее эгоизму), трансформируя паразитарную природу

выживания в *альтруистическую интенцию служения* роду, культуре, *профессии*, порождая соответствующий тип коммуникативных отношений.

В. *Импрессивный луч транскомуникации* формирует соответственно *импрессивное Я* в синонимический, психосемантический ряд которого входят Я - образ, Я - перцепция, Я – впечатление, Я – вчувствование, Я – поток, *Я - импринтинг*, зеркальное (по Ч. Кули), созерцающее, эйдетическое Я («Ме» по Дж. Миду), симбиотическое и адаптивное Я. Этот обычно очень развитый в человеке «Я - комплекс» обеспечивает транскомуникативную *интенцию «отзывчивости – взаимности»* и соответствующий тип коммуникативных отношений.

С. *Экспансивный луч транскомуникации* рождает спонтанное, генеративное, субъективное, творческое Я («I» по Дж. Миду), инициативное, ментальное, имагинативное Я, ориентированное на путешествие, поиск, приключение, риск. Этот «Я - комплекс» проектирует транскомуникативную *интенцию инициативной избирательности*, формирует «чувство собственного достоинства» и соответствующий тип коммуникативных отношений.

Д. *Восходящий луч транскомуникации* формирует высшее Я (по Р. Ассаджиоли), духовное Я, вдохновляющее, просветленное, мудрое любящее Я, определяющее транскомуникативную *интенцию призвания* (призванности, предназначенности) и порождает соответствующий тип коммуникативных отношений.

Эти четыре луча Self - интенции являются источником развертывания всей индивидуальной аутентичной образовательной траектории личности и её транскомуникативного мира.

Холархия поясов транскомуникативного пространства профессионализации личности

В качестве источника образовательной перспективы среди основных ипостасей человека (организм, индивид, субъект, индивидуальность) рассматривается личность, поскольку именно в ней проявляется трансцендентность человека [43]. В этом контексте суверенная личность образуется как *метапозиция* системы Я – инстанций, развернутых выше, в рефлексивном зеркале которой она может рассматривать и оценивать сильные и слабые стороны себя как организма, индивида, субъекта и индивидуальности с точки зрения своих жизненных проектов и актуальных коммуникативных отношений в ситуации и среде.

В персоналистическом плане человек, следовательно, проявляется не просто как субстанция или процесс, а как *отношение*: гендерное и прогендерное (дети, семья), родственное и прородственное (родство, генеалогия, братство, Родина), культуральное и транскulturальное (этноцентризм, космополитизм), экзистенциальное (аутентичная событийная ответственность) и трансцендентальное (совесть и вера). Иными словами, человек как личность онтологически существо *трансперсональное* и *транскомуникативное*. Спектр и границы его существования *образуются* холархией коммуникативных кругов или *поясов* его жизненного пространства. Из всех возможных метафор (слой, сфера, уровень) мы выбрали *пояс*, поскольку он несет в себе семантику собственной протяженности, относительной проницаемости, выделяющейся определенности, обладает качеством иммунитета и потенциальной радиации, что соответствует холархической и науковедческой концептуализации [39; 63]. Холархия объединяет иерархические и гетерархические аспекты (процессы) системы.

В этом контексте холархия образовательных пространств будет выглядеть так:

- система транскомуникативных Я - интенций личности – первый имплицитный пояс *персональной идентичности* (аутентичности);
- система свободных избирательных, значимых и взаимных *транскомуникативных отношений* личности – второй эксплицитный пояс *персонального коммуникативного мира* личности;

- система *транскоммуникативных связей* личности в образовательном пространстве (*например, факультета*) – третий пояс персональной образовательной сети;
- система *транскоммуникативных связей* личности в образовательном пространстве организации (*например, университета*) – четвертый пояс персональной образовательной сети;
- система *транскоммуникативных связей* личности в *информационно-образовательном пространстве* культуры – пятый пояс персональной образовательной сети, например:
  - образовательные СМИ;
  - образовательный Интернет;
  - профессиональные экспертные системы;
- *транскоммуникативный полигон притязаний, испытаний и достижений* личности – шестой креативный пояс персональной образовательной сети, например:
  - участие и победы в конкурсах фондов на получение грантов;
  - участие и победы в суперконкурсах (президентских, международных и т. п.).
- транскоммуникативное пространство образовательных путешествий и приключений – седьмой *рекреативный пояс* персональной образовательной сети, например:
  - edutainment (образовательные развлечения);
  - научный туризм;
- *диффузное фоновое* транскоммуникативное *пространство* персональной образовательной сети – восьмой открытый «атмосферный» пояс, например:
  - вебинары (онлайн-семинары);
  - профессионально-образовательные форумы и чаты;
  - культурно-просветительские программы;
  - случайные встречи.

Степень освоения личностью каждого *образовательного пояса* может быть определена на основе конкретных транскоммуникативных критериев. Важно иметь в виду, что границы между поясами относительны, т.е. между ними имеются ощутимые пересечения.

Первый имплицитный пояс персональной идентичности – система транскоммуникативных Я - интенций личности

Среди множества концепций личности для контекстуальной основы выбираются экзистенциально-гуманистические и трансперсональные, как наиболее соответствующие современности, дающие наименее искаженные и редуцированные отображения личностного начала в человеке и раскрывающие его транскоммуникативную природу [39; 46; 58; 67]. Собственно транскоммуникативная архитектура личности представляет собой сложно артикулированную многоуровневую холархию внутренне-внешних транспозиций и транскоммуникаций. В контексте многоплановой коммуникативно-образовательной персональной сети важно акцентировать базисные интенции личности, характеризующиеся трансцендентным потенциалом. Этим требованиям удовлетворяют интенции, соответствующие основным лучам транскоммуникации, признаками которых являются основные трансовые пиковые переживания:

- интенция служения – альтруистическая ориентация помощи, поддержки, жертвования, связанная с чувством сопричастности чему-то большему (семье, нации и т.п.); транскоммуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности катарсиса (нисходящая транскоммуникация);
- интенция гармонии – отзывчивость, ответственность, взаимность, впечатлительность в отношении нового, соответствующие чувству причастности

- гармонии мира; транскомуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности импринтинга (импрессивная транскомуникация);
- интенция свободной инициативы – потребность в самореализации, ориентация на достижения, рост притязаний, связанные с чувством безграничных возможностей жизненного пространства; транскомуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности экспрессии, экстенсии, экспансии, экстаза (экспансивная транскомуникация);
  - интенция призвания – чувство предназначения, особой индивидуальной предрасположенности к осуществлению чего-то жизненно и социально значимого, связанного с поиском и открытием смысла жизни в контексте высших духовных ценностей; транскомуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности инсайта, озарения, открытия, вдохновения (восходящая транскомуникация).

Второй эксплицитный пояс транскомуникативного мира личности – система свободных избирательных, значимых и взаимных коммуникативных отношений личности

Если транскомуникативный потенциал личности образует первый имплицитный *тематический пояс* её образовательной сети, то коммуникативный мир личности в социокультурном пространстве можно считать вторым ближайшим транскомуникативным политематическим поясом. Коммуникативный мир как пространство оптимальной самореализации личности, формируется на основе аутентичной констелляции ее базовых транскомуникативных интенций как уникальная конфигурация *децентрализованных, взаимных, избирательных, свободных* отношений, в которых происходит гармонизация ценностно-тематических и партнерских ориентаций личности [28]. Здесь мы видим, как транскомуникативные интенции личности перерастают в качества коммуникативных отношений.

Любая специальность, научное и инновационное направление, образовательная дисциплина на уровне транскомуникативного мира характеризуются эксплицитными коммуникативными критериальными качествами: *эмпатическая децентрация, отзывчивая взаимность, инициативная избирательность и восхищающий интерес*. Имея в виду уровни коммуникаций, в данном коммуникативном пространстве можно выделить второй вектор критериальных характеристик, а именно – происходит ли общение в основном в форме элементарных *контактов*, содержательных *бесед* (с интересными собеседниками), проблемных *дискуссий* (с достойными оппонентами) или углубляющихся *значимых отношений* (взаимное развитие в русле общих ценностей).

Коммуникативный мир личности студента, аспиранта и т.п. в контексте образовательной сети, конечно, должен бы формироваться профессионально значимыми специалистами, экспертами, преподавателями и студентами, образующими *референтный, дискуссионный, оппонентский* круги.

Следующие коммуникативные пояса образовательной сети личности носят значительно менее персонифицированный характер или могут быть скорее деперсонифицированными. Но в силу открытости коммуникативного мира личности их события могут интроецироваться в персональное жизненное пространство, и являться своеобразными маяками дальнейшего его развития.

Третий пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в пространстве факультета

В персональной образовательной сети кроме обязательного учебного плана и успеваемости важно учитывать *консультативный круг студентов* (к кому обращаются за

консультациями), включенность во внеучебные события (семинары, конференции, дискуссии, диспуты, форумы, волонтерские инициативы, экологические мероприятия). Целесообразно выделить оппонентский проблемный круг общения личности на факультете.

Четвертый пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в пространстве университета

Во-первых, общеуниверситетское пространство продолжает и развивает все формы факультетской жизни на уровне вуза. В то же время имеются качественно более универсальные сферы, характеризующие уникальное достояние университета, приобщение к которым существенно обогащает персональную транскомуникативную сеть студента. Например, музеи и архивы, экологические образования (рощи, ботанические сады, ландшафт в целом), спортивные объединения, секции, художественные коллективы и альтернативные клубы, любительские собрания, хоббинрии, общеуниверситетские акции. Критерием развития этого пояса сети является степень включенности в указанные направления жизни студенческого университетского мира.

Пятый пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в информационно-образовательном пространстве СМИ и Интернет

Данный диффузный пояс персональной образовательной сети настолько разнообразен и многогранен, что на данном этапе моделирования и исследования необходимо накопление эмпирического массива данных о включенности конкретных студентов в конкретные СМИ и Интернет-процессы. Здесь, видимо, социологические исследования должны предшествовать глубинному психологическому анализу.

Так же необходим анализ дидактической ценности погружения в соответствующий процесс.

Шестой креативный пояс персональной образовательной сети – транскомуникативный полигон притязаний, испытаний и достижений личности

Этот на первый взгляд крайний пояс, на самом деле лучше понимать как интенсивно мерцающую ауру образовательной сети. Психологическая значимость некоторых событий может быть настолько велика, что ощутимо влияет на предыдущие слои образовательного пространства вплоть до воздействия на базовые интенции личности. Примеры транскомуникативно-образовательных событий:

- участие и победа в конкурсах фондов на получение грантов;
- участие и победа в суперконкурсах (президентских, международных и т. п.)

Седьмой рекреативный пояс персональной образовательной сети – транскомуникативное пространство образовательных путешествий

Известно, что креативность и рекреация в жизни творческой личности интимно взаимосвязаны. Многим неожиданным выдающимся открытиям мы обязаны именно рекреативным ситуациям (отдых, путешествия, приключения, хобби), особенно если им предшествовала интенсивная творческая работа [44]. Можно выделить такие типы рекреативной жизни:

- edutainment (образовательные развлечения);
- хоббинрии;
- научный туризм.

Восьмой открытый диффузный пояс – атмосферное фоновое транскоммунитивное пространство

Открытость случаю, спонтанным транскоммунитивациям, имеющим косвенное отношение к образовательным стратегиям личности, может иметь неожиданные и весьма внушительные последствия для их кардинальных изменений. Составляя новый контраст по отношению к задуманному, эти контакты могут незаметно добавлять критическую энергетику для важного дела по принципу доминанты. Примеры таких контактов:

- вебинары (онлайн-семинары);
- профессионально-образовательные форумы и чаты;
- культурно-просветительские программы;
- случайные встречи.

Представленная выше упорядоченность поясов или слоев персональной образовательной сети, хотя и имеет смысл с точки зрения масштабирования транскоммунитивного пространства, но он относителен. Значительно релевантнее рассматривать выделенные шесть поясов как относительно самостоятельные измерения многомерного пространства персональной образовательной сети. Важно учесть, что они находятся во многом в *холархических* отношениях, т.е. оказываются вложенными и взаимопроникающими друг в друга. В заключение укажем основные направления работы по совершенствованию персональной образовательной траектории в её транскоммунитивных сетях и средах.

Пути исследования и повышения эффективности персональной образовательной сети

- Перевод всех поясов, уровней и характеристик транскоммунитивной сети в категории контент-анализа, исследовательского интервью и психосемантического анализа проектов и рефлексивных отчетов студентов;
- Более направленное исследование холархии коммуникативных миров всех поясов и их пересечений с помощью метода моделирования коммуникативных миров (ММКМ);
- Картографирование и формирование ментальных карт основных источников образовательной информации как потенциальных коммуникаторов.
- Медитативный тренинг аутентичности – развитие интуитивной сензитивности, переживание уникальных аспектов внутреннего Я по каждой базовой интенции личности; усиление самодостаточной воли их проявления;
- Тренинг самовыражения внутренних интенций в коммуникативных мирах с помощью ритм-практик (программа ритм-студии) [35];
- Ноэтический практикум управления намерениями – медитативная проработка перспектив, формирование транскоммунитивных связей и отношений по внешним поясам образовательной сети [35];
- Модельное конструирование образовательных коммуникативных миров;
- Программа комплексной супервизии формирования индивидуальной траектории образования.

Представленная модель персональной образовательной траектории может стать основой спецкурса по постметодологическому исследованию в профессиональной подготовке психолога и программы психологического сопровождения инновационно-ориентированных специалистов различных профессий.

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
2. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002.

3. Ассаджиоли, Р. Психосинтез: принципы и техники. – М. : Психотерапия, 2008. – 384 с.
4. Барабанщиков В.А. Методы психологического познания: системный взгляд // Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии. / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль: МАПН, 2005. – С. 14 – 24.
5. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. – с. 114 – 164.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. – 326 с.
7. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. – 476 с.
8. Бом Д. Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Дэвидом Бомом. М., 1992.
9. Ван Каам А. Трансцендентальная терапия // Журнал практического психолога. № 6, 1998. – с. 28 – 46.
10. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000. - 300 с.
11. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. - М., 1998.
12. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1998. – с. 282 – 302.
13. Вульф В., Ректор К. Холодинамика вашей жизни. М.: ЛАС, 1994. - 176
14. Гроф Ст. Духовный кризис. Статьи и исследования. М.: МТМ, 1995. – 256 с.
15. Гроф Ст. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. - М.: Изд-во АСТ, 2002.
16. Гроф Ст. Путешествие в поисках себя. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1994. – 342 с.
17. Гусельцева М.С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. Т.26. 2005. № 6. С. 5 - 15.
18. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Десси и Р. Райана // Современная психология мотивации. М.: Смысл, 2002. – с. 165 – 190.
19. Дмитриева Л. Г. Проблема асимметричности и неравновесности психологических позиций в диалогическом взаимодействии // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 4.
20. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии. / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль: МАПН, 2005. – С. 62 – 89.
21. Знаков В.В. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
22. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. - М.: Интрада, 1998.
23. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. - Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1992.
24. Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического. - Томск: Водолей, 1999.
25. Кабрин В.И. Ноэтическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000а. Вып. № 12, с. 23 – 28.

26. Кабрин В.И. Транскокоммуникативная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс формация) // Вестник Томского университета. 2000б, № 2, с. 34 – 41.
27. Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск. 2002, с. 73-103.
28. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскокоммуникативный потенциал жизни человека. - М.: Смысл, 2005а. – 248 с.
29. Кабрин В.И. Транскокоммуникативный подход как постметодология современной психологии // Вестник Томского государственного университета. № 286 Серия «Психология», 2005б. С. 15-20.
30. Кабрин В.И. Современная система психологических парадигм как основание комплексных методов развития человеческих отношений в духе толерантности // Модернизм в психологии. – Новосибирск, НГУ, 2005в. – С.87 – 99.
31. Кабрин В.И. Транскокоммуникативный подход как постметодология современной ноэтической психологии жизни // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Под ред. А.А. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2007а. с. 172 – 194.
32. Кабрин В.И. Транскокоммуникативный мир человека в постметодологической перспективе психологической антропологии // Коммуникативное измерение в психологической антропологии. Томск, Изд-во ТГУ, Иван Федоров, 2007б. – с. 290 – 334.
33. Кабрин В. И. Транскокоммуникативные основания анализа ценностного мира человека [Текст] / В. И. Кабрин // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей: коллективная монография / под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. – М. : 2008а. – с. 148 – 163.
34. Кабрин В.И. «Химеры объяснения» и постметодологическая перспектива психологии // Методология и история психологии. 2008б, Т.3. Вып.1. – с.153 – 165.
35. Кабрин, В. И. Развитие психологического потенциала достижений личности (Комплексный проект развивающих тренинговых программ) [Электронный ресурс] / В. И. Кабрин. – электрон. уч. пособие. – Электрон. дан. – Томск : 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
36. Калашникова М. Б. Формирование экологической культуры студентов разных специальностей в образовательной среде вуза через курс психологии // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 3.
37. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М., 2003.
38. Козлов В.В. Интегративная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии. / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль: МАПН, 2005. – С. 167 – 201.
39. Лакатос И. Методология исследовательских программ. – М. : АСТ, Ермак, 2003. – 380 с.
40. Лебединская С.В. «Метафора в коммуникативной самореализации личности (на примере психологического тренинга). Диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.05 Томск, 2008. - 188 с.
41. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. – 444 с.
42. Луиджи З. Созидание души / Пер. с итал. – М.: ПЕРСЭ, 2004. - 208 с.
43. Лэнгле, А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сб. статей – М.: Генезис, 2009. – 159 с.
44. Любарт Т. Психология креативности. Учебное пособие. – М.: Когито-Центр, 2009. – 215 с.

45. Мазиллов В.А. Методологические проблемы в психологии в начале 21-го века // Психологический журнал. Т. 27. 2006. № 1. с. 23 - 34.
46. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издат. Группа «Евразия», 1997. – 430 с.
47. Мид, Дж. От жеста к символу [Электронный ресурс] // Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934. P. 65. 66-76, 78. – Режим доступа : <http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/mead.htm>
48. Моль А. Социодинамика культуры. – М. : ЛКИ, 2008. – 416 с.
49. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга. 1983, с. 37-90.
50. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989. – 288 с.
51. Олпорт Г. О психологии личности. – М., 1999. – 342 с.
52. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева]; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. – 468 с.
53. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. 2. – М.: Прогресс, 1966. Вып.1,2. С. 157 – 194.
54. Платон Диалоги. Харьков, Фолио. 1999. – 442 с.
55. Полборн, Р. Образ и предвкушение. – М. : Изд-во Флинта, 2003. – 496 с.
56. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. – М.: Алетейя, 2007. – 713 с.
57. Пяткова О.А. Динамика транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге. Диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.05 Томск, 2007. - 196 с.
58. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. - М.: Изд-во «Рефл-бук», «Ваклер», 1997.
59. Роджерс, К. Становление человека. Взгляд на психотерапию. – М. : Универс, 1993. – 430 с.
60. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
61. Тиллих П. Мужество быть // Избранное: Теология культуры. М.: ЮРИСТЪ, 1995. – с.7 – 132.
62. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. - М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996, с. 181 – 193.
63. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия . – М. : АСТ, 2004. – 412с.
64. Уолш Р. Основания духовности. – М. : АСТ, 2004. – 381 с.
65. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. - М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Кравчука, 2004.
66. Фокс М., Шелдрейк Р. Там, где встречаются наука и Дух. Физика ангелов. М. София, 2003. – 256 с.
67. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368с.
68. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006. – 312 с.
69. Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб, 1996.
70. Шарден П.Д. Феномен человека. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
71. Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. М.: РИПОЛ классик, 2005.— 352 с.
72. Шерток Л. Непознанное в психике человека. М., 1982.
73. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н /Д.: «Феникс», 1999. – 554 с.
74. Юнг К. Аion. Исследование феноменологии самости.– Рефл-бук, Ваклер, 1997. – 336 с.

75. Юнг К.Г. Синхронистичность. - М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
76. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
77. Юревич А.В. Психология и методология – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
78. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. № 2. –1999.– С. 3 – 11.
79. Якимова П. Ю. Мотивация обучения и выбора профессии у студентов-психологов, обучающихся на разных психологических специальностях // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 5. – с. 110 – 119.
80. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга. 1983, с. 102 – 118.
81. Ялом И. Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы. - М.: Изд-во Эксмо, 1994.
82. Ялом И., Элкин Дж. Хроники исцеления: Психотерапевтические истории» / Пер с англ. С. Артемова. – М.: Изд-во Эксмо, 2005.
83. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М. : Политиздат, 1994. – 527 с.